

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

(К 125-летию со дня рождения)

Великий русский драматург

Почти сто лет не сходят со сцены пьесы Островского. После Октябрьской социалистической революции они изданы миллионными тиражами, переведены на 18 языков народов Советского Союза и завоевали особо прочную любовь и уважение зрителя. За свою жизнь Островский написал около 50 пьес, он также широко известен, как переводчик.

Блестящую характеристику творчеству Островского дал его современник писатель И. А. Гончаров. «Литературе Вы принесли в дар, — писал он, — целую библиотеку художественных произведений для сцены, создали свой особый мир. Вы один построили здание, в основании которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас, мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский национальный театр. Он по справедливости может называться театром Островского». И действительно, пьесы Островского — это большой, населенный самыми разнообразными людьми мир, в котором живет больше 1.000 действующих лиц. Разные по характеру, своему общественному положению и происхождению, они составляют замечательную галерею типов, представляющих русское общество середины прошлого века.

Смелая правдивость пьес Островского была откровенным для современников, которые привыкли видеть в театре ходульно-патетические драмы Кукольника, Полевого и Загоскина, импортированные из-за границы «высокие переживания» или дешевой веселости.

Литературный путь Островского был тернист. За первую же пьесу «Свои люди сочтемся» Островский, попав в разряд неблагонадежных, был взят под надзор полиции, пьесу запретили. Но в демократических кругах она получила восторженное признание. Писемский назвал комедию купеческими «Мертвыми душами», Одовский сравнивал ее с «Недорослем», «Горем от ума» и «Ревизором».

Островский сразу вошел в литературу, как смелый и изблещенный носитель зла и пороков, как писатель, поставивший перед собой задачу «реалистически отображать действительность», решительно и мужественно срывать внешне благополучные покровы современной ему жизни и показывать ее изнанку, не щадя красок, не боясь навлечь на себя гнев сильных мира сего.

Александр Николаевич Островский глубоко народный писатель. Он прекрасно понимал, что неразрывная связь писателя со своим народом необходима, что если писатель не будет черпать из источника народной мудрости, то он «соползлит и измельчится». Народность лиц, строй мыслей, обстановка, живой речи при наличии народного сюжета и идея определили его место и значение в создании русской национальной культуры. «История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, — пишет он, — которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения делаются понятными и ценными для других народов и, наконец, для всего света».

«Мы не хотим умалять своего таланта и писать пошлости для публики Малого театра, — мы хотим писать для всего народа», — в этом высказывании весь Островский. Он писал правду жизни и никогда не изменял ей потому, что «искусство, чтобы выполнять свое назначение, должно постоянно сопровождать жизнь», быть «доступно каждому члену общества во всякую минуту его досуга».

Воспитанный на блестящих статьях Белинского, находясь в дружеских связях с Чернышевским и Некрасовым, Островский был не только «печальником» за судьбы русского народа, но активным

А. Н. Островский.

борцом за его лучшую долю. Именно поэтому творчество великого драматурга пережило свое время и сегодня звучит так же свежо и молодо, как и сто лет тому назад.

Уже в первой пьесе «Свои люди сочтемся» во всей силе проявляется обличительная сторона его драматургической и литературной деятельности. Идеальная сущность этой пьесы очень верно понята Добролюбовым. Он совершенно прав, утверждая, что пороки людей — это зеркало общества. Они обусловлены социальной обстановкой, узаконенными нормами поведения, всем ужасным укладом жизни «темного царства».

Что же противостоит этому миру дикости и варварства? Неужели нет светлых личностей в этом темном царстве? Есть такие люди.

Таков, например, молодой человек, чиновник Жадов из пьесы «Доходное место». Он честен, прям, трудолюбив. Но он белая ворона в этом обществе, на него идут в поход жена, теща, все родные и знакомые. И он, надломленный и ущемленный, склоняется перед теми, кто унижает его. Есть другие положительные герои в пьесах Островского. Но они бесспорны, пассивны. Они не борцы за правду, их подминает суровая и страшная действительность.

Так случилось и с Катериной в «Грозе».

«...Характер Катерины, как он исполнен в «Грозе», составляет шаг вперед не только в драматургической деятельности Островского, но и во всей нашей литературе, — писал Добролюбов, — и составляет новую фазу нашей народной жизни. Он давно требовал своего осуществления в литературе, око-

ло него вертелась наша лучшая писатели; но они не умели понять его надобность и не могли раскрыть и почувствовать его сущности: это сумел сделать Островский». Катерина всем своим поведением протестует против лжи и лицемерия, она не хочет прятать искренние свои мысли и выдавать лицемерие за добрые поступки, скрывать свое чистое сердце от людей, словом, жить, как все живут. Катерина, натура поэтическая, возвышенная, с душой мечтательной и добрым человеческим сердцем, задыхается в этой затхлой атмосфере. Она не может расстаться с волей, она не может променять свои мечты о любви, не может утратить чистые и благородные чувства, а потому уходит из жизни. Протест Катерины прозвучал, как пощечина лицемерному и лживому времени, как призыв к борьбе, непокорности, как зов сердца чистой женщины ко всем, кто остается жить на этой земле, чтобы они могли исповедывать перед людьми и собой свои чистые, благородные чувства, чтобы женщина могла быть в обществе человеком.

«Гроза» Островского разрядила воздух, она была лучом света в темном и диком царстве. Она была новым словом в литературе, и ей суждено было сыграть выдающуюся роль в русском драматическом искусстве.

«Гроза» всколыхнула общественное мнение России, в ней наиболее ярко проявились самые передовые прогрессивные устремления драматурга.

Островский был не только бытовым писателем и великим реалистом своего времени, он был романтиком, и это романтическое начало видно во многих его пьесах. Во время работы над комедией «Бедность не порок» Островский писал: «Пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем плачет, чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо показать ему, что знаешь за ним хорошее; этим-то я теперь и занимаюсь — соединяю высокое с комическим».

Во многих пьесах Островского мы встречаем людей с возвышенной и благородной душой. Они всей силой своего сердца протестуют против мракобесия, варварства, дикости, против суровых и несправедливых законов, сложившихся на земле, и этот благородный голос звучит все сильнее и сильнее. В «Грозе» он прозвучал, как вызов обществу.

Пьесы Островского позволяют нам лучше понять далекое страшное время из истории нашей Родины. Мы изучаем прошлое и с гордостью восхищаемся нашей социалистической Отчиной, где установлена высокая человеческая мораль, где действуют законы разума и справедливости, где возвышенные и благородные чувства управляют поведением и поступками человека...

Писатель большой правды и чистой души в советское время нашел благородного и умного читателя. Его любят, читают, смотрят в театрах и на экранах миллионы советских людей. Мы восхищаемся своим великим соотечественником за то, что он в мрачное время боролся со злом, невежеством и дикостью царского времени, что он был среди благородных борцов за лучшее будущее, за освобождение народа.

А. ШАПОВАЛОВА.

г. Москва,

Судьба талантов

(Вместо рецензии)

«Свинцовые мерзости» российского капитализма, прогнившее до основания чиновничество, оскотинившееся барство, звероподобная тупость и жестокость мешающего, — весь мир кабановых, больших, юсовых, мурзавских — был ли у него судья более строгий, обличитель более беспощадный, чем Островский? Легенде о добродушном юморе Островского, об объективизме бытописателя не остается места даже при беглом знакомстве с его творчеством. Природа драматургии не терпит открытого вмешательства автора, не оставляет места для прямого высказывания его отношения к героям и происходящему, но у Островского в каждый образ представителя уродливой до-революционной России вложен такой заряд ненависти и презрения, что позиция автора не вызывает сомнений.

Тем не менее, театр Островского нельзя назвать пессимистическим. И не только потому, что «темное царство» прорезывают лучи света — протест и бунт сильных и ярких душ против скотского быта и безраздельного владычества чистогана. Островский любил народ, верил в его неисчерпаемые силы, верил в то, что раньше или позже он сбросит с себя отвратительные, чужеродные наросты, всю мерзость и скверну капитализма. Вот почему его пьесы не оставляют впечатления безысходности, трагического отчаяния, а так часто в них звучит неподдельный веселый смех.

Особое место в галерее типов Островского принадлежит актерам. Он хорошо знал их грешки и слабости, недостатки и даже пороки, но любил, как любит отец своих детей. Судьба актеров царской России была страшной судьбой всех мелких людей, перемалываемых в целковые, развращаемых и уничтожаемых «обществом».

Если в других пьесах («Без вины виноватые», «Лес», «Беспреданница») актер и актерская среда выполняют вспомогательную роль, то в «Талантах и поклонниках» судьба актера стоит в центре внимания.

Молодая талантливая актриса Негина только начинает свою карьеру. Конеч ее предрешен. То, к чему пришла, вернее, приведена средой и обстановкой Смелская, ожидает и ее. Она беззащитна перед «излишками нежности» — то есть холодным, расчетливым развратом власти имущих. Со всех сторон подстерегают ее бездушные циники бабины, отвратительные покупатели живого товара дулебовы, подталкивают в пропасть мигаевы.

Но нельзя поставить знак равенства между Смелской и Негиной. Если первая принимает все как должное, не задумываясь и

не желая задумываться, плывет по течению мутной реки провинциального актерского быта, то Негина коснулась иные веяния. Под влиянием студента Мелузова у нее пробуждаются высокие устремления, она вдохнула живительный воздух благородных идей и никогда уже не забудет об этом. Негина не устояла, она оказалась «не героиней, а только актрисой», но она и никогда не падет до уровня смелских. Пусть пока торжествует еще более сильный и осторожный, чем Бакин и Дулебов, хищник Великатов, но, покоряясь им, актер служит не им, а народу. В этом служении и залог освобождения актера. Пробужденный, воспрянувший народ смеет великатовых и дулебовых, навсегда освободит закабаленные, униженные таланты...

Это произошло в нашей стране более 30 лет назад. Судьба таланта перестала быть трагической, перед ним счастье свободного творчества для народа.

«Таланты и поклонники» не сходят с наших подмостков.

Но — знакомое играть трудно. У зрителя отсутствует интерес новизны, а над актером довлеют образцы предшественников. Ни блестящая подача авторского текста, ни отдельные удачные не спасут положение. Успех возможен только в том случае, если оживление персонажей на сцене достигнет степени почти совершенной, когда зритель увидит, что перед ним сама жизнь, а не сцена и актеры, произносящие смешные или трагические слова. Это требует от каждого участника спектакля глубокого проникновения в образ, а в целом — такого единого дыхания, которое называется ансамблем и бывает на нашей сцене не столь уж часто.

Юбилейный спектакль русского драматического театра имени Леси Украинки по праву может быть назван таким.

Быть может, Негиной (Стрелкова) недостает непосредственности, юности, Дулебов (Освеимский) более смешон, чем страшен, Великатов (Белюсов) слишком облагорожен, лишь в последней сцене из-под бархатной лапы показывается когти хищника, несколько карикатурен Мигаев (Черни). Но эти частности не умаляют достоинств спектакля. Названные актеры, вместе с безукоризненными Домной Пантелеевой (Картасова), Нароковым (Лавров), Громиловым (Быков), Мелузовым (Романов) и другими, под руководством постановщика, народно-го артиста СССР Хохлова, достигли стройного, слитного ансамбля.

125-летие со дня рождения великого драматурга театр отметил достойным воплощением одного из лучших его творений.

Николай ДУБОВ.

Сцена из спектакля «Таланты и поклонники» в Киевском русском драматическом театре имени Леси Украинки.

Фото П. Бернштейна.